

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-67-74

КОНФЛИКТ ДВОЕВЛАСТИЯ В ЛИВИИ КАК ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Иван Поняев

Московский государственный университет

Аннотация

В статье проводится анализ конфликта двоевластия в Ливии в контексте социальных и политических трансформаций. Цель статьи – формирование представления о политических трансформациях в Ливии в процессе развития конфликта двоевластия в период с 2011 по начало 2019 гг. Для достижения цели автором были проанализированы и систематизированы события, происходящие в Ливии и имеющие важное политическое значение в контексте кризиса. На основе этого анализа автором представлена краткая хронология и выделены ключевые моменты развития конфликта и происходящие в них трансформации. По мере развития конфликта три раза менялись его ключевые стороны. При этом каждая смена сторон была идентична смене доминирующей идеи конфликта и представляла собой отдельную стадию. На первой стадии доминирующую роль играли политические взгляды и идеи сторон. На второй – большое значение стала приобретать борьба за власть и ресурсы. На третьей стадии (конфликт между Палатой представителей, объединившейся с генералом Х. Хафтаром, и Правительством национального единства) конфликт перешел в стадию борьбы за ресурсы, власть и территорию. Политические мотивы отошли на второй план. Таким образом, можно утверждать, что процесс социально-политической трансформации в Ливии был вытеснен борьбой двух сторон конфликта двоевластия.

Ключевые слова: Ливия; Хафтар; Сарадж; конфликт двоевластия; политический кризис; военные действия; ООН.

На данный момент конфликт двоевластия в Ливии, по сути являющийся затянувшейся гражданской войной, рассматривается с различных сторон. В частности, в политической науке доминирует позиция, что новые способы распространения информации, компьютерная эра, информационная эпоха и иные технологические факторы во многом предопределили возникновение конфликтов, совокупность которых названа арабской весной (Гремаун, 2014). Не умаляя значимости современных компьютерных и информационных технологий, автор данной статьи предлагает попытку осмысления ливийского конфликта двоевластия в контексте социально-политической трансформации. Предметом исследования являются трансформации, происходящие в общественной и политической жизни Ливии. Источниковой базой исследования являются аналитические материалы, на основе которых автор систематизирует хронологию ключевых событий в контексте политической трансформации.

Хронология ключевых событий

«Арабская весна» – совокупность социально-политических процессов, направленных на демократизацию стран арабского мира с патриархальным укладом жизни и часто монархической формой правления или близкой к ней. В Ливии события обострились в феврале 2011 г. Целью оппозиции была демократизация политического режима и отстранение от власти М. Каддафи, который беспрерывно правил страной с 1969 г. (DeWaal, 2013). Учитывая особенность политического ландшафта, во многом детерминированного национальной культурой Ливии, а именно авторитарным режимом, отсутствием гражданских и политических свобод у населения, невозможностью оппозиции вести диалог с властью, события приобрели военный характер (Кирегман, 2013). При этом особенность политического режима никоим образом не позволяла рассматривать конфликт того времени как конфликт двоевластия. По сути, это был конфликт борьбы за власть, ресурсы и территории, с использованием военных сил.

В политический конфликт стали прямо или косвенно вмешиваться различные ведущие страны мира, продвигая как свои национальные интересы, так и политические идеи. Каждая из стран поддерживала ту оппозиционную группу, которая в большей степени соответствовала их собственным политическим взглядам (Ulfstein & Christiansen, 2013). В результате при поддержке НАТО в период с 19 марта по 20 октября 2011 г. оппозиции удалось взять под контроль практически всю территорию страны, а также захватить самого М. Каддафи, который был убит 31 октября. На этом операция НАТО была завершена, однако политический конфликт двоевластия в Ливии лишь начинался (Shaw, 2013).

Так, еще в феврале 2011 г. был создан Переходный национальный совет (ПНС), целью которого являлось объединение сил оппозиции, выражение единой политической позиции, поддерживаемой вооруженными силами как внутри страны, так и снаружи (Strazzari & Tholens, 2014). Этот орган был признан большинством стран мира. В сентябре 2011 г. он получил статус законного представителя ливийского народа в ООН. Его возглавил Мустафа Абд-аль-Джалиль, бывший министр юстиции Ливии. По сути именно создание Переходного национального совета было первым шагом в конфликте двоевластия. Трансформации социально-политического режима внутри Ливии привели к тому, что политический конфликт двоевластия, казалось бы, был исчерпан к сентябрю-октябрю 2011 г. Тем не менее, отметим, что все конфликты двоевластия, как и многие другие процессы политической трансформации, имеют тенденцию к затуханию и дальнейшему обострению. Причем часто предсказать моменты перехода между фазами и их длительность не представляется возможным (Chivvis, 2012).

9 августа 2012 г. Переходный национальный совет передал полномочия Всеобщему национальному конгрессу (ВНК), избранному на парламентских выборах в июле 2012 г. Почти половину мандатов получил состоявший из либеральных партий Союз национальных сил, почти четверть — исламистская Партия строительства и справедливости. Таким образом, данное политическое событие можно охарактеризовать как демократическое по своей природе. При этом в обществе на тот момент доминировали либеральные взгляды, что и отразилось на результатах голосования. По сути, именно либеральные силы, которые начали борьбу в начале 2011 г., получили официальное признание с позиции демократического способа выбора власти. Задачами Всеобщего национального конгресса стало дальнейшее развитие гражданских институтов для формирования фундамента демократического общества, что заключалось в подготовке проекта Конституции, а также в учреждении постоянного законодательного органа власти, подготовке, организации и проведении выборов в него. Тем не менее, спустя почти год работы, а именно в июне 2013 г., исламисты, составляющие четверть совета, получили пост председателя. В результате их власть над Всеобщим национальным конгрессом существенно возросла. Когда в июне 2014 г. состоялись выборы в постоянный законодательный орган, Палату представителей, Конгресс, возглавляемый исламистами, отказался передать полномочия по управлению страной. Начался новый виток развития кризиса двоевластия (Bodalal et al., 2014).

В итоге обострения кризиса двоевластия в июне 2014 г. Всеобщий национальный конгресс и сформированное им Правительство национального спасения заседали в Триполи и контролировали западную часть страны, а Палата представителей и сформированное ею правительство, признанные международным сообществом, в г. Тобрук и контролировали восточные регионы (Brockmeier et al., 2016). Таким образом, ситуация двоевластия не представляла собой конфликта различных ветвей власти, как например, в России в 1993 г., она включала в себя одновременное создание двух параллельных систем управления страной, каждая из которых представляла себя легитимной. При этом они делили страну по территориальному признаку, опираясь на поддержку военных, а также иностранных государств, признающих их легитимность и обеспечивающих военную и гуманитарную помощь.

Параллельно с правительственными силами против исламистов на территории Ливии начал вести вооруженную борьбу влиятельный генерал Х.Хафтар (Dawetal., 2015). На данный момент, в 2019 г. он является центром концентрации сил одной из сторон конфликта двоевластия (Kuperman, 2015), оппозиционной правительству.

Таким образом, в Ливии конфликт двоевластия возобновился с новой силой летом 2014 г. У обеих конфликтующих сторон было достаточно политических, социальных и военных ресурсов, чтобы удерживать отдельные регионы страны, однако ни одна из сторон не обладала достаточными ресурсами для того, чтобы добиться господствующего положения в регионе. Важно отметить, что стороны конфликта двоевластия придерживались различных социально-политических взглядов: либеральных и исламистских. При этом процессы трансформации внутри общества не протекали достаточно интенсивно, чтобы сторонники одной из сторон стали доминирующей силой. В то время как в

других странах, например, на Филиппинах, в схожих ситуациях иногда требовалось всего несколько месяцев, чтобы доминирующая позиция в обществе, формируемая ранее годами, проявила себя в массовых настроениях (Zuckerman, 2014a).

Мировое сообщество неоднократно предпринимало попытки урегулирования ситуации. В 2015 г. под эгидой ООН было проведено несколько раундов межливийского диалога. В результате 17 декабря 2015 г. было подписано соглашение о формировании Правительства национального единства (Eriksson, 2016). Спустя 6 дней, это правительство было признано Советом Безопасности ООН как единственная легитимная власть в Ливии. Премьер-министром был назначен ливийский бизнесмен Ф. Сарадж. Кроме того, был сформирован Президентский совет как высший орган исполнительной власти. Спустя 3 месяца, в марте 2016 г., исламистское правительство согласилось передать свои полномочия. Однако Палата представителей, которая была ранее, до формирования Правительства национального единства, официальным органом власти в Ливии в глазах международного сообщества, отказалась передавать ему свои полномочия и три раза отклоняла предложенный состав правительства.

В сентябре 2016 г. премьер-министр заявил о намерении представить новый состав кабинета, а также достичь соглашения об объединении сил с генералом Х. Хафтаром (Bodalal, 2015). Этот генерал, изначально начавший независимые действия против исламистов, в дальнейшем приблизился в своей позиции к Палате представителей, также воевавших против них. В результате, как только исламисты передали полномочия Правительству национального единства, последнее унаследовало и конфликт и с Х. Хафтаром, и с Палатой представителей. Таким образом, можно утверждать, что с учетом ранее достигнутых в 2015 г. договоренностей, что конфликт двоевластия, основой которого в 2014 г. были различные политические и культурные взгляды, стал конфликтом за ресурсы. Разумеется, борьба за ресурсы была важной составляющей конфликта и в 2014 г., однако в 2016 г. она стала его доминантой.

Помимо внутренних политических проблем, ситуация в Ливии осложнялась, начиная с весны 2014 г., действиями «Исламского государства» (Costantini, 2016). Во многом эта организация проникла в Ливию в результате военных конфликтов внутри страны, слабой охраны внешних границ. К весне 2015 г. боевики ИГ контролировали уже около 290 км побережья Средиземного моря. В феврале 2015 г. они заняли г. Сирт и распространили влияние на более мелкие города на севере страны, где расположено более десятка месторождений и нефтеперерабатывающих заводов. На территории страны были развернуты лагеря подготовки ИГ. Весной 2016 г. Правительство национального единства начало активное противодействие боевикам, в конце лета обратившись за помощью к США. В результате в октябре того же года силы ИГ были выдворены из нескольких городов страны (Koenig, 2014). Однако военные столкновения с ними продолжились.

С конца 2016 г. двумя ключевыми сторонами конфликта двоевластия стали Правительство национального единства и силы Х. Хафтара, объединенные с Палатой представителей. В январе 2017 г., продвигаясь на юг Ливии, силы Х. Хафтара столкнулись с силами, лояльными Правительству национального единства (Haesebrouck, 2017). Вопрос о том, почему ООН и иные важные игроки мировой политической арены первоначально поддерживали одну сторону конфликта, а в процессе развития кризиса двоевластия стали поддерживать другую, останется за рамками данного исследования, поскольку его целью является изучение внутривнутриполитических трансформаций в процессе развития кризиса двоевластия.

По сути, цель всех военных противостояний – борьба за власть и ресурсы в регионе. Для Ливии это в первую очередь нефтяные месторождения. В марте 2016 г. Палата представителей проголосовала за приостановку политического диалога и действия Схиратского соглашения (Burton, 2019), что значило отказ от диалога с Правительством национального единства. Кроме того, Палата проголосовала за отмену соглашения о президентском совете, которым руководил Ф. Срандж, требуя при этом проведения выборов президентских и в законодательные органы власти до февраля 2018 г., то есть в срок чуть менее года с момента голосования. С одной стороны, данная мера представляется разумной и демократической, однако совмещенная с односторонним лишением легитимности второй стороны конфликта, а также с вооруженными противостояниями, рассматриваться таковой не может.

19 марта 2018 г. силы генерала Х. Хафтара, называющие себя Ливийской национальной армией, потерпели поражение в столкновении с джихадистами у г. Дерн. В мае того же года Ливийская национальная армия продолжила стягивать силы в этот регион, регулярно ведя боевые действия и нанося удары с воздуха, уничтожая запасы оружия в городе. В 2019 г. Ливийская национальная армия

объявила о начале широкомасштабной операции на юго-западе страны. Задачей военных стало освобождение региона от террористов из ИГ, «Аль-Каиды» и многочисленных криминальных банд.

Отметим, что с точки зрения Х. Хафтара, террористами являются не только ИГ и другие известные террористические формирования, но и Правительство национального единства Ливии, которое возглавляет Ф. Сарадж (Ashamesetal., 2019). 4 апреля 2019 г. Ливийская национальная армия начала наступление на Триполи, где и заседает Правительство национального единства. Военный совет «революционеров» Мисураты, подчиняющийся Правительству национального единства, объявил о готовности противостоять «зловещему наступлению» (Daw et al., 2019). Однако министры Правительства, включая Ф. Сараджа, бежали в Тунис. Армия Х. Хафтара постепенно захватывает ближайшие к Триполи города, а также аэропорт города. Совет безопасности ООН крайне обеспокоен сложившейся ситуацией, учитывая, что ООН, западные страны, Турция и Катар поддерживают правительство Ф. Сараджа. Россия поддерживает отношения с обеими сторонами, но оказывает помощь Х. Хафтару (Kishi, 2016).

Таким образом, конфликт двоевластия в Ливии на данный момент далек от завершения. Во-первых, потому, что политические, социальные и культурные идеи находятся далеко не на первом плане в конфликте за власть и ресурсы. Первоначальный идеологический конфликт двоевластия не может быть разрешен, так как фактически не предпринимаются никакие действия для этого. Он приостановлен, но вспыхнет вновь именно в поле политической дискуссии, основанной на разнице взглядов и подходов двух конфликтующих сторон (Peskin & Boduszynski, 2016). Во-вторых, международная поддержка более слабой на данный момент стороны позволит ей восстановить баланс сил в сфере вооружения. Одновременно сила армии Х. Хафтара достаточно велика, чтобы противостоять иностранному вмешательству и поддержке его оппонентов. В результате военное решение конфликта в ближайшее время также не представляется возможным. В-третьих, социальные изменения, которые должны происходить в обществе в период кризисов двоевластия, в частности, трансформация взглядов большинства населения, на данный момент не прослеживаются.

Модель политического конфликта двоевластия в Ливии

Описанная выше хронология событий политического кризиса двоевластия в Ливии может быть представлена в следующей модели (рис.1). Отметим, что в течение развития конфликта двоевластия он затухал несколько раз и разгорался вновь. При этом можно выделить трехкратную смену сторон на протяжении рассмотренных 8 лет конфликта. Первоначально сторонами конфликта был М. Каддафи и либерально настроенная оппозиция, объединившаяся в Переходный национальный совет. Затем – конфликт между Всеобщим национальным конгрессом, ведущую роль в котором играли исламисты, и Палатой представителей, поддерживаемой ООН. И, наконец, на данном этапе это конфликт между Палатой представителей, объединившейся с генералом Х. Хафтаром и Правительством национального единства, поддерживаемого ООН, западными странами, Турцией и Катаром.

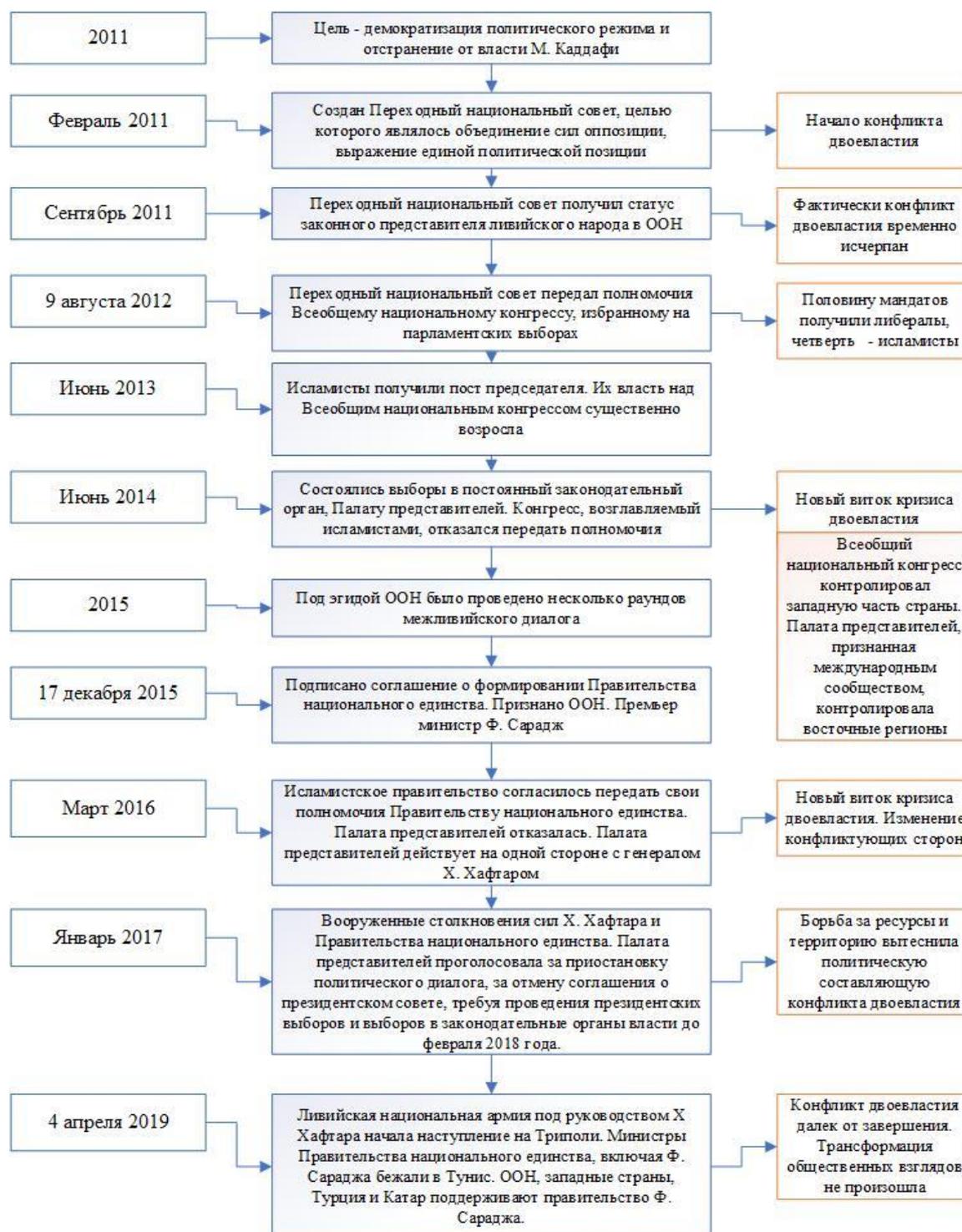

Рис. 1. Хронология событий конфликта двоевластия в Ливии

Таким образом, можно выделить несколько ключевых аспектов развивающегося в Ливии кризиса двоевластия. Начавшись как кризис идей и политических позиций и завершившись в течение первого года, он разгорелся вновь как кризис борьбы за ресурсы, власть и территории. По мере развития конфликта двоевластия менялись не только его участники, но и поддержка со стороны международного сообщества, которое, поддерживая одну сторону, через некоторое время, на следующем этапе развития кризиса, начинало поддерживать другую. Во многом их поддержка зависит от выполнения соответствующей стороной своих обязательств, а также преследуемых политических целей. Тем не менее, смена выбранного объекта поддержки в Ливии говорит о неустойчивости не только положения в регионе, но и политических идей ключевых участников конфликта двоевластия. По сути, процессы трансформации в ливийском обществе, с одной стороны, слишком скоротечны и детер-

минируют постоянно изменяющиеся политические позиции отдельных сторон конфликта, а с другой стороны, эти трансформации недостаточно глубоки. В результате серьезных изменений во взглядах доминирующих, в том числе и численно, социальных групп не происходит. Именно поэтому конфликт двоевластия не приближается к завершению. Можно предположить, что, если прекратятся боевые действия сторон и доминирующую позицию временно займет одна из сторон, конфликт со временем вспыхнет вновь, так как не исчерпан потенциал трансформационных процессов.

* * *

В заключение необходимо сказать, что конфликт двоевластия в Ливии как процесс социально-политических трансформаций, перешедший в свою активную фазу в 2011 г., на данный момент не близится к завершению. По мере развития конфликта три раза менялись его ключевые стороны. Первоначально это были М. Каддафи и либерально настроенная оппозиция, объединившаяся в Переходный национальный совет. Затем – Всеобщий национальный конгресс, ведущую роль в котором играли исламисты и Палата представителей, поддерживаемая ООН. И, наконец, на текущем этапе – Палата представителей, объединившаяся с генералом Х. Хафтаром, и Правительство национального единства, поддерживаемое ООН, западными странами, Турцией и Катаром. Каждая смена сторон предполагает новую фазу конфликта. Так, в противостоянии М. Каддафи и Переходного национального совета доминирующую роль играли политические взгляды и идеи сторон, а также возможность их распространить в социуме. В конфликте между Всеобщим национальным конгрессом и Палатой представителей наибольшую роль стала играть борьба за власть и ресурсы. В настоящее время в противостоянии между Палатой представителей, объединившейся с генералом Х. Хафтаром, и Правительством национального единства конфликт перешел в стадию борьбы за ресурсы, власть и территорию, а политические мотивы отошли на второй план. Можно утверждать, что процесс социально-политической трансформации в Ливии был вытеснен борьбой двух сторон конфликта двоевластия. В результате его завершение в ближайшее время не представляется возможным.

Отметим также, что в ливийском обществе, как и во многих других конфликтах двоевластия, важную роль играют отдельные политические лидеры и фигуры (Zuckerman, 2014b). По сути, трансформация политических взглядов общества возможна только в том случае, если ее лицом или политическим лидером будет значимый, харизматичный человек, способный вести за собой, а также убеждать население в своих словах и взглядах. На данный момент, наиболее значимым политическим деятелем в Ливии является Х. Хафтар, что и отражается в его политических успехах. Реальное изменение ситуации в стране возможно только при условии появления сильного лидера, с другой стороны. В противном случае внутренний конфликт двоевластия вскоре затухнет в силу слабости оппозиционной стороны, не исчерпав себя. В случае же активного вмешательства международного сообщества и поддержки более слабой, на данный момент, стороны Правительства национального единства, конфликт может затянуться на долгое время, однако социально-политические процессы трансформации на этом завершены не будут.

Библиографический список

- Ashames, A., Abushoffa, A., Tabet, M., Saidan, R. B. and Lagha, B. (2019) 'Impact of the Libyan Conflict on Quality of Medicines Available in the Local Market', *Journal of Chemical and Pharmaceutical Research*, 11(1), pp. 20–27.
- Bodalal, Z., Agnaeber, K., Nagelkerke, N., Stirling, B., Temmerman, M. and Degomme, O. (2014) 'Pregnancy outcomes in Benghazi, Libya, before and during the armed conflict in 2011', *Eastern Mediterranean Health Journal*, 20(3), pp. 175.
- Bodalal, Z., Bendardaf, R., Ambarek, M. and Nagelkerke, N. (2015) 'Impact of the 2011 Libyan conflict on road traffic injuries in Haesebrouck, T. (2017) 'NATO burden sharing in Libya: a fuzzy set qualitative comparative analysis', *Journal of Conflict Resolution*, 61(10), pp. 2235–2261.
- Kishi, R., Raleigh, C., Linke, A., Backer, D., Bhavnani, R. and Huth, P. (2016) *Patterns and Trends of the Geography of Conflict, Peace and Conflict*. London: Taylor & Francis/Routledge.
- Koenig, N. (2014) 'Between conflict management and role conflict: the EU in the Libyan crisis', *European security*, 23(3), pp. 250–269.
- Kuperman, A. J. (2013) 'A model humanitarian intervention? Reassessing NATO's Libya campaign', *International Security*, 38(1), pp. 105–136.

- Benghazi, Libya', *Libyan Journal of Medicine*, 10(1), pp. 269–300.
- Brockmeier, S., Stuenkel, O. and Tourinho, M. (2016) 'The impact of the Libya intervention debates on norms of protection', *Global Society*, 30(1), pp. 113–133.
- Burton, G. (2019) 'Chinese Conflict Management in Libya, Syria and Yemen after the Arab Uprisings', *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 13(1), pp. 18–34.
- Chivvis, C. S. (2012) 'Libya and the future of liberal intervention', *Survival*, 54(6), pp. 69–92.
- Costantini, I. (2016) 'Conflict dynamics in post-2011 Libya: a political economy perspective', *Conflict, Security & Development*, 16(5), pp. 405–422.
- Daw, M. A., El-Bouzedi, A. H. and Dau, A. A. (2019) 'Trends and patterns of deaths, injuries and intentional disabilities within the Libyan armed conflict: 2012–2017', *PLoS one*, 14(5), pp. 0216061.
- Daw, M. A., El-Bouzedi, A. and Dau, A. A. (2015) 'Libyan armed conflict 2011: mortality, injury and population displacement', *African Journal of Emergency Medicine*, 5(3), pp. 101–107.
- De Waal, A. (2013) 'My Fears, Alas, Were Not Unfounded': Africa's Responses to the Libya Conflict' in: Hehir, A. et al. (eds.) *Libya, the Responsibility to Protect and the Future of Humanitarian Intervention*. London: Palgrave Macmillan, pp. 58–82.
- Eriksson, M. (2016) 'A fratricidal Libya: Making sense of a conflict complex', *Small Wars & Insurgencies*, 27(5), pp. 817–836.
- Kuperman, A. J. (2015) 'Obama's Libya debacle: how a well-meaning intervention ended in failure', *Foreign Affairs*, 94(2), pp. 66–77.
- Peskin, V. and Boduszynski, M. P. (2016) 'The rise and fall of the ICC in Libya and the politics of international surrogate enforcers', *International Journal of Transitional Justice*, 10(2), pp. 272–291.
- Shaw, S. (2013) 'Fallout in the Sahel: the geographic spread of conflict from Libya to Mali', *Canadian Foreign Policy Journal*, 19(2), pp. 199–210.
- Strazzari, F. and Tholens, S. (2014) 'Tesco for Terrorists' Reconsidered: Arms and Conflict Dynamics in Libya and in the Sahara-Sahel Region', *European Journal on Criminal Policy and Research*, 20(3), pp. 343–360.
- Tremayne, M. (2014) 'Anatomy of protest in the digital era: A network analysis of Twitter and Occupy Wall Street', *Social Movement Studies*, 13(1), pp. 110–126.
- Ulfstein, G. and Christiansen, H. F. (2013) 'The legality of the NATO bombing in Libya', *International & Comparative Law Quarterly*, 62(1), pp. 159–171.
- Zuckerman, E. (2014a) 'New media, new civics?', *Policy & Internet*, 6(2), pp. 151–168.
- Zuckerman, E. (2014b) 'Cute Cats to the Rescue? Participatory Media and Political Expression' in: Allen, D. and Light, J. (eds.) 'Youth, New Media and Political Participation', pp. 131–154.

Информация об авторе

Поняев Иван Михайлович – преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: iponyaev@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-9575-8716. ResearcherID: 2990014).

Статья принята к печати: 15.01.2020

DUAL POWER CONFLICT IN LIBYA AS A SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATION PROCESS

I. M. Ponyaev

Lomonosov Moscow State University

Abstract

The article analyzes the dual power conflict in Libya in the context of social and political transformations. The aim of the article is to form a model of political transformations in Libya during the dual power conflict in 2011 – early 2019. For analysis, the author selected and systematized the events that took place in Libya and had considerable political significance in the context of the crisis. The author presents a brief chronology

and highlights the key moments of the conflict and the transformations. It has been found that the key parties to the conflict changed three times. Each change of the parties was identical to the change of the dominant idea of the conflict and represented its separate stage. At the first stage, the dominant role was played by political views and ideas of the parties, as well as the opportunity to spread them in society. At the second stage, it was the struggle for power and resources that started to play the main role. At the third stage (the conflict between the House of Representatives, allied with General Haftar, and the Government of National Unity), the conflict developed into the struggle for resources, power and territory, whereas political motives faded into the background. Thus, it can be argued that the process of socio-political transformation in Libya was supplanted by the struggle of the two parties of the dual power conflict.

Keywords: Libya; Haftar; Sarraj; dual power conflict; political crisis; military action; UN.